

DOI: 10.25178/nit.2026.1.5

Статья

Мифы, легенды и предания о наименованиях гор у тувинцев

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Айнур С. Нурахынова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби;

Международный университет информационных технологий, Республики Казахстан

В статье анализируются мифы, легенды и предания тувинцев, связанные с наименованиями горных вершин и перевалов, рассматриваемые как специфическая форма фиксации коллективной памяти и моделирования сакрального пространства. Материалом послужили тексты из опубликованных фольклорных сборников, а также полевые записи одного из авторов, осуществлявшиеся в различных районах Тувы в 1990–2025 гг., что обеспечило репрезентативность и жанровое разнообразие корпуса. На основе комплексного подхода, учитывающего данные ономастики, фольклористики, этнографии и религиоведения, предлагается классификация оронимических сюжетов по мотивационным признакам.

Выделяются четыре основные группы: 1) мифы и легенды о горах, связанных с животными (прежде всего с медведем адыг, обозначаемым эвфемизмом хайыракан); 2) предания о названиях, отражающих исторические события и личности (восстание Алдан-маадырлар, деятельность Амыра-Санаа и др.); 3) сюжеты, обусловленные шаманскими и буддийскими представлениями и ритуальными практиками (Дүңгүрлүг-Тей, Лама-Халыыр и др.); 4) предания о перевалах и вершинах, чьи имена связаны с бедствиями, опасными ситуациями и преодолением трудностей (Ааткыыштыг-Арт, Чарын-Салыр/Чарын-Салбас и др.).

Показано, что оронимы в фольклоре тувинцев функционируют как многослойные знаки, в которых пересекаются экологические, исторические, религиозные и социальные смыслы. Особое внимание уделяется табуированной лексике и эвфемизмам, гендерной маркированности образа гор как «мужского» начала, а также взаимодействию шаманской и буддийской традиций, отраженному в наименованиях священных мест.

Делается вывод о том, что мифы, легенды и предания о наименованиях горных вершин представляют собой ценнейший источник по изучению тувинской этнокультуры и мировоззрения, а их систематизация и анализ способствуют более глубокому пониманию символической географии региона.

Ключевые слова: тувинцы; тувинский фольклор; ономастика; топоним; гора; ороним; миф; легенда; предание

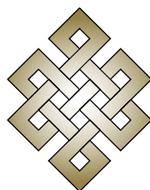
Для цитирования:

Сувандии Н. Д., Нурахынова А. С. Мифы, легенды и предания о наименованиях гор у тувинцев // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 105-117. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.5>

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лаборатории этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Нурахынова Айнур Сарсеновна — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби; сеньор-лектор кафедры языков факультета «Бизнеса, медиа и управления» Международного университета информационных технологий. Адреса: 050000, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71; 050040, Казахстан, г. Алматы, ул. Манаса, д. 34/1. Эл. адреса: a.nurakhynova@iitu.edu.kz; nur_ainura92@mail.ru. Научный руководитель — д-р филол. н., проф. Н. Ж. Шаймерденова.

Myths, Legends and Traditions about the Names of Mountains among the Tuvans

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation,

Ainur S. Nurakhynova

Al-Farabi Kazakh National University; International Information Technology University, Republic of Kazakhstan

The article analyses Tuvan myths, legends and traditions associated with the names of mountain peaks and passes, which are considered as a specific form of fixing collective memory and modelling sacred space. The material consists of texts from published folklore collections as well as field recordings made by one of the authors in various districts of Tuva in 1990–2025, which ensures the representativeness and genre diversity of the corpus. Based on a comprehensive approach that considers data from onomastics, folkloristics, ethnography and religious studies, a classification of oronym plots according to motivational features is proposed.

Four main groups are distinguished: 1) myths and legends about mountains associated with animals (primarily with the bear adyg, referred to by the euphemism khaiyrakan); 2) traditions about names reflecting historical events and figures (the uprising of Aldan-Maadyrlar, the activity of Amyr-Sanaa, etc.); 3) plots conditioned by shamanic and Buddhist ideas and ritual practices (Düngürlüg-Tei, Lama-Khalyyr, etc.); 4) traditions about passes and peaks whose names are connected with disasters, dangerous situations and the overcoming of difficulties (Aatkyysh-tyg-Art, Charyn-Salyr/Charyn-Salbas, etc.).

It is shown that oronyms in Tuvan folklore function as multi-layered signs in which ecological, historical, religious and social meanings intersect. Particular attention is paid to taboo vocabulary and euphemisms, the gender marking of the image of mountains as a “male” principle, as well as to the interaction of shamanic and Buddhist traditions reflected in the names of sacred places.

It is concluded that myths, legends and traditions about the names of mountain peaks represent a most valuable source for the study of Tuvan ethnoculture and worldview, and that their systematisation and analysis contribute to a deeper understanding of the symbolic geography of the region.

Keywords: Tuvans; Tuvan folklore; onomastics; toponym; mountain; oronym; myth; legend; tradition

For citation:

Suvandii N. D. and Nurakhynova A. S. Myths, Legends and Traditions about the Names of Mountains among the Tuvans. *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 105-117 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.5>

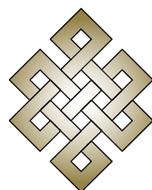

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology; Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 9B Mongush Sat St., 667010, Kyzyl, Russian Federation. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3817-2436

NURAKHYNOVA, Ainur Sarsenovna, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University; Senior Lecturer, Department of Languages, Faculty of Business, Media and Management, International Information Technology University. Postal addresses: 71, Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan; 34/1 Manas St., Almaty, 050040, Kazakhstan. E-mails: a.nurakhynova@iitu.edu.kz; nur_ainura92@mail.ru

ORCID: 0009-0001-4502-5338

Введение

Тувинцы, как жители горного ландшафта и представители кочевых народов, занимающихся скотоводством, всегда почитали горные вершины. В соответствии с временами года, скотоводы кочевали с одной стоянки на другую в меньшей мере четыре раза в год, чтобы покормить свое стадо в пастбищах, где имеется нетронутая трава. А поскольку регион содержит множество горных массивов, во время этих перекочевок с одной стороны горы на другую, через горы, по дороге они обязательно останавливались на перевалах, поклонялись им и совершали обряды. В связи с этим, у тувинцев имеется немало мифов, легенд и преданий, связанных с горами и названиями гор. В них освящено историческое прошлое наших предков, их взаимодействие с другими соседними и близкими народами, мировоззрение, особенности хозяйственной деятельности.

Исследования названий горных вершин входят в область научного знания о топонимах — разделе ономастики, исследующего географические названия, их функционирование, значение и происхождение (Катанов, 1903; Сат, 1969; Татаринцев, 1973; Ондар, 2008, Кара-оол, 2018; Сувандии, 2019; Сувандии, Кара-оол, Болормаа, 2019; и др.). Тувинская мифология изучается фольклористами и литературоведами (Самдан, 2012, 2016; Донгак, 2018; Владимирова, 2023; и др.). Тем не менее мифы, легенды и предания о наименованиях горных вершин республики специальным объектом научных исследований до сих пор не были, чем и объясняется актуальность данной работы.

Говоря о мифах, легендах и преданиях тувинцев, следует понимать особенности терминологии. В основном, они рассматриваются как виды несказочной прозы, относящиеся к устной народной словесности и служащие формами сохранения коллективной памяти и представлений народа о мире. Их роднит устная передача, элемент вымысла и ориентация на «правдоподобие» — рассказ звучит как нечто, во что в принципе можно верить. В каждом из этих жанров текст подается с установкой на достоверность: рассказывающий не просто «выдумывает», а сообщает о том, что «так было» или «так рассказывают старики». Тем не менее фольклористы усматривают различия между ними, в том числе изучая их в рамках определенных национальных корпусов фольклора, например, в словарях¹.

Как пишут составители известного академического издания мифов, легенд и преданий тувинцев из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в тувинском языке, например, нет общепринятого термина «миф». Сами тувинцы свои произведения называют по-разному: *дип будер шагда чугаалар* ‘рассказы времен сотворения мира’, *эрте-бүрүн шагның чугаалары* ‘рассказы древнейших времен’, *элдеп чугаалар* ‘странные рассказы’ и пр. (Алексеев, Куулар, Самдан, 2010: 11–12). Они отмечают разногласия по поводу терминологии среди фольклористов. Общим термином для выражения мифов тувинцев они предложили термин *бурун-чугаа* ‘древний рассказ’ (там же: 12). И хотя, как подчеркивают ученые, подобные рассказы народов Сибири сложно однозначно отнести или к мифам, или к преданиям, тем не менее определенные различия между ними есть. Ученые, исследующие несказочную прозу алтайцев, например, отмечают, что тексты, описывающие ирреальный мир, в которых элементов фантастики больше, называют легендами и мифами, а тексты, описывающие реальный мир — преданиями (Абысова, Ойноткинова, 2024: 5–7).

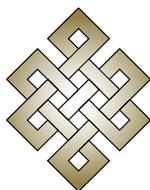
Изучив в том числе мнения наших коллег, мы полагаем, что можно рассматривать термины: *тоолчургу чугаалар* ‘мифы, легенды’ как устное повествование, в котором имеется фантастическое содержание, *төөгү чугаалар* ‘предания’ как устные рассказы о реальных исторических событиях.

Соответственно основной целью данной работы является систематизация *тоолчургу чугаалар* ‘мифов, легенд’ и *төөгү чугаалар* ‘преданий’ о названиях гор у тувинцев, которые были зафиксированы в разных изданиях; помимо этого авторы также вводят в научный оборот мифы, легенды и предания, записанные одним из авторов Н. Д. Сувандии (в оригинале и в авторском переводе на русский язык) в ходе полевых исследований в разных районах Тувы от информаторов с 1990-х по 2025 гг.²

Основным принципом систематизации — классификации наших источников стали разные признаки (по происхождению, по историческим слоям). В соответствии с ними мы разделили мифы, леген-

¹ Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / ред. К. П. Кабашников. Минск: Наука и техника, 1993; Русское народное поэтическое творчество : в 2 т. / отв. ред. В. П. Адрианова-Петерц. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. См. также: Феоктистова, 2000 и др.

² Информаторы, у которых записаны материалы, дали согласие на публикацию персональных сведений.

ды и предания на четыре группы, которые и рассмотрим в качестве раскрытия задач исследования: 1) о горных оронимах, связанных с животными; 2) о горных оронимах, связанных с историческими событиями и личностями; 3) о горных оронимах, связанных с религиозными видениями народа; 4) о горных оронимах, связанных с бедами, преодолением испытаний.

Материалом исследования послужили мифы, легенды и предания тувинского народа, собранные и изданные в разных изданиях¹, выделенные из них путем сплошной выборки, а также собственные полевые материалы — фольклорные материалы, собранные Н. Д. Сувандии.

Мифы, легенды, предания о горных оронимах, связанные с животными

Тесная связь скотоводов в повседневной жизни с домашним скотом, а также охотничий промысел, в котором тувинцы взаимодействовали и с дикими животными, привели к тому, что весь фольклор наполнен образами животных, их упоминаниями. Не являются исключением и те мифы, легенды и предания, которые выражают тему гор.

Нами зафиксированы разные варианты возникновения названия гор *Хайыракан* в Улуг-Хемском и Тес-Хемском районах Тувы.

По данным нашего информатора А. В. Чаш-оол, имеется следующая легенда, в которой говорится о названии высокой горы в Улуг-Хемском районе Тувы.

Хайыракан дааның дугайында

Тайга черге чаңгыс оолдуг хам кадай чурттап чораан. Шаанда тайга кайгамчык чараш, янзы-бүрү чечектер, ногаан оът-сиген, ыяштар-биле шиметтинген турган чүве-дир.

Бир-ле катап кадайның оглу аңнап чорупкан-дыр. Тайгага кончуг улуг адыгга таварышкан чүве-дир. Ол адыгны даялаар дээш, оол чадашкан. Дең эвес демиселге оол чок болган. Авазы оглун чоктап, аажок муңгарап чоруп турган. Ынчап тура хам кадай бодунуң караң көрнүр чүүлү-биле ол тайгаже коргунчуг диңмирээшкинни чоруткаш, күштүг чаңныкты дүжүрген-дир.

Шак ол халап соонда, тайганың ыяш-дажы шупту ужуп, тоглап калган, ынчангаш чүгле даг арткан чүве-дир. Оон бээр ол дагны Хайыракан деп ойзу аарак адай берген чүве-дир²

‘О горе Хайыракан

В таежной местности жила женщина-шаманка с единственным сыном. В древние времена тайга была очень красивой, покрыта различными цветами, зеленой травой и деревьями.

Однажды сын шаманки отправился на охоту. В тайге он встретил огромного медведя. Он хотел убить медведя, но не смог. В результате неравной схватки парень погиб. Мать очень горевала о своем сыне. Потом женщина-шаманка, используя свои предвидения, отправила в гору страшный гром и очень сильную молнию.

После этого бедствия, все деревья тайги крошились и упали, поэтому осталась только большая гора. С этого времени гору стали называть Хайыракан³.

Женщина-шаманка отомстила горе за смерть единственного сына. Также лексема *хайыракан* употреблена как эвфемизм слова *адыг* ‘медведь’, поскольку тувинцы, соблюдая обычаи и традиции предков, прямо не называли хищных животных. Скотоводы боялись произносить слова табу по отношению к диким животным, в связи с тем, что, по их мнению, они могут услышать это, ибо эти животные *чер кулактыг* ‘имеют земные уши’.

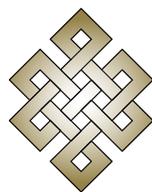
О возникновении наименований горных вершин *Хайыракан даглары* ‘гор Хайыракан’ в Тес-Хемском районе есть легенда, записанная А. Арапчором⁴:

¹ Арапчор А. Д. Тыва улустун мифтери болгаш тоолчургу чугаалары [Тувинские мифы и легенды]. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2024. (На тув. яз.); Куулар Д. С. Кыс-Халыыр: Тыва улустун тоолчургу болгаш төөгү чугаалары [Девичья скала. Тувинские народные сказки и предания]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1996 (На тув. яз.); Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев и др. Новосибирск: Наука, 2010.

² Чаш-оол Алдынчаш Викторовна, 63 г., пенсионер, сумон Хайыракан, Улуг-Хемского кожууна. Запись 2025 г.

³ Здесь и далее без специальных указаний — перевод Н. Д. Сувандии.

⁴ Арапчор А. Д. Тыва улустун мифтери болгаш тоолчургу чугаалары [Тувинские мифы и легенды]. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2024. С. 90–91. (На тув. яз.)

Хайыракан даглары

Шаг шаанда Таңды биле Хаан-Көгей сыннары уругларын кудалашкан. Таңды Хаан-Көгейниң оглу Уяңгыга уруун кадай кылдыр берген.

Таңды уруунуң өнчүзүнге бодунуң үнелиг эртине-байлактарындан, аң-меңинден болгаш арга-ыяжындан, эм-таң оът-сигенинден бээр харам чокка берген.

Хаан-Көгей кенниниң өнчүзүн хүлээп ап тура, чүгле адыгны албайн барган: «Сээң калчаа кара ыдыңны албас мен, биске ооң херээ чок» — деп Таңдыга чугаалаан.

Хаан-Көгей сынында Таңдыда бар аң-мең, эртине-байлак, арга-ыяш, оът-сиген, үнүш-чимис шуптузу бар, чүгле адыг чок. Таңдының уруу Хаан-Көгейниң оглу Уяңгы-биле чурттап тургаш, ашааның аажы-чаңыга болгаш харам-алыксаанга таарышпайн барган. Уруг-даа аал-оранын, ада-иезин сагынгаш, чер-чуртунче чаныксааш, кударап-муңгарап, ыглап туруп берген. Уруунуң ашакка барган черинге таарышпайн, кударап-муңгарап турарын сагыш-сеткили эндевээн иези бүдүү билгеш, бурунгаар көргөш турупкан.

Эптиг үени манап тургаш, уруг аалынче кажып чорупкан. Иези уруунуң хову ортузунда чанып кел чорурун көрүп кааштың, боду база уруунга уткуй бурунгаалап: «Дүргеде, дүргеде, уруум! — деп кыйгырбышаан, чорупкан.

Оглуңуң бай кадайы дезип чоруптарга, аңаа ажынып хорадааш, Хаан-Көгей кенниниң иезиниң арнынче тос эртинени шиңгээткен сор салыпкан. Сор арнынче хөме жугуп орда, кадын ону оң холу-биле доскаш, ырадыр шывадапкан.

Авазының бараанын көргөш, уруг ыглап чоруп олурган.

Хорадаан Хаан-Көгей ийи иешкини жураштырбас дээш, оларның аразынче Тес хемни аъткарып чоргузуп-кан. Ийи иешки чоокушалажып келгенде, Тес үзе киргеш, хем болуп ага берген. Ынчан хомудаанындан ие кижги Улуг-Хайыракан, уруу Биче-Хайыракан даглары болуп хуула берген-дир.

‘Горы Хайыракан’

Давным-давно горные хребты Танды и Хаан-Когей сосватали своих детей. Хребет Танды выдал дочь замуж за сына Хаан-Когей Уянгы.

Танды, не скупясь, отдал в имущество дочери свои драгоценности, всякого рода зверей, лесов, лекарственных трав.

Принимая имущество невесты, Хаан-Когей отказался только от медведя, сказав Танды: “Не нужна мне твоя бешеная черная собака, нам он не нужен”.

В хребте Хаан-Когей имеются звери всякого рода, жемчужины, леса, различные виды трав, только нет медведя. Дочери Танды не понравился муж — сын Хаан-Когей своим поведением и корыстолюбием. Девушка начала скучать по дому, родителям, хотела домой и от печали стала плакать. Мать девушки почувствовав, что дочь печалится и ей не понравилось то место, куда уехала замужем, встала в позу, посмотрев вперед.

Подождав удобный момент, девушка убежала домой. Мать, увидев дочь, которая бежала домой посреди степи, сама тоже пошла вперед, зовя ее: “Быстрее, доча, быстрее”.

Узнав о том, что богатая жена сына убежала, Хаан-Когей рассердился и бросил в глаза матери невестки сор¹. Но царица, увидев летевший к ней сор, остановив его правой рукой, откинула его далеко в сторону.

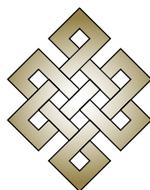
Увидев силуэт матери, девушка пошла навстречу ей, плача.

Чтобы мать с дочерью не встретились, разъяренный Хаан-Когей отправил реку Тес. Когда они приблизились друг к другу, Тес потек между ними. Тогда от обиды мать превратилась в гору Улуг-Хайыракан (букв. Большой Хайыракан), а дочь — в Биче-Хайыракан (Малый/меньший Хайыракан)’.

В содержании легенды основное внимание, как нам кажется, отводится также слову *хайыракан* как эвфемизму табуированной лексемы *адыг* ‘медведь’, от которого отказался отец жениха Уянгы Хаан-Когей. Из-за отказа получить в дар медведя, вселенная рассердилась на Хаан-Когей и наказала его тем, что мать с дочерью превратились в *хайыракан*.

О возникновении Улуг-Хайыракан и Биче-Хайыракан есть другой миф, представленный в фольклорном сборнике «Мифы, легенды, предания тувинцев». Эта версия имеет отличия от предыдущей:

¹ Сор (тибетское происхождение слова) ‘культульная трехгранная пирамида’ с девятью драгоценностями; буддийский ритуальный предмет.

Улуг-Хайыракан, Биче-Хайыракан даглары болгаш Тес-Хем

Тес-Хем, Эрзин аразында Улуг, Биче-Хайыракан деп ийи даглар бар. Хаан-Көгей Улуг-Хайыраканның уруун оглунга кудалаан чүве-дир. Ийи улуг бай таңды дуугурушкаш, уругларын күскээр чайын кончуг улуг куда-дойну дүжүрүп, хамык бурун ёзулалды кылгаш, өглөп каан.

Улуг-Хайыракан уруунга өнчү кылдыр хамык аң-меңиниң чүзүн бүрүзүндөн сыын-мыйгак, элик-хүлбүс, муну-тарбаган, маны-дырбактыг дээш күүседип, үзүп берген. Чүглө адыг уттундуруп калган дээр чүве. Ынчангаш Көгей-Таңдыда амга чедир хайыракан чок чүве-дир.

Хаан-Көгей бодунуң аң байлаандан оглунга база шак ынчаар күүседип, үзүп берген. Уруглар ам бай чурттап эгелээн.

Өгленген чылдың даразында чылын чазын оолдуң талазындан арай чурум үрөп, аалдар кезип, аътка шавар, арага-даа иже кааптар апарган. Ооң уламындан кандыг-бир хоп-меге уруг-дарыг аразынга тарай берген. Ооң ужун демги уруг Биче-Хайыракан моготтынып, кажыпкан. Ада-иезиниң аалының (Улуг-Хайыракан) кодан чанынга чедип чорда, Тестиң суу бада хонуп келгеш, уругну кежирбейн барган чүве-дир.

Мынчангаш ам Улуг, Биче Хайыракан Тестиң ол-бо талазында кожа чурттап арткан-дыр¹.

Горы Большой и Малый Хайыракан

Между Тес-Хемом и Эрзином горы Малый [и] Большой Хайыракан есть. Хан-Когей дочь Большого Хайыракана для своего сына посватал. Две большие, богатые горы договорились, детям к осени, в конце лета, очень большую свадьбу устроили, все старые обычаи соблюли, детей поженили.

Большой Хайыракан дочери в приданое выделил [от] всех зверей — марала-маралуху, самку-самца косули, самку-самца тарбагана, манула-рысь. Только о медведе забыли, говорят. Поэтому на Когей-горе теперь медведей нет.

Хан-Когей из своего богатства сыну также отделил. Дети богато стали жить.

На следующий год после женитьбы весной парень начал немножко вольничать, по аалам ездить, на коне скакать, араку попивать. Из-за этого какие-то слухи среди молодежи разошлась. Поэтому девушка Малый Хайыракан обиделась, убежала [к отцу]. [Когда] к усадьбе в аале отца-матери (Большого Хайыракана) подошла, река Тес вслед за ней потекла, девушке не дала переправиться.

Так, [горы] Малый и Большой Хайыракан рядом по обе стороны [реки] Тес жить остались².

В данной легенде, записанной З. Б. Самдан от ее информатора из Самагалтая, также говорится, что молодоженам не выделили адыг 'медведя', который с тех пор в тех местах не водится. В отличие от предыдущих версий, в данном случае мы не видим прямой связи слова *хайыракан* с табуированной лексемой *адыг*, хотя она очевидна.

Таким образом, в легендах о названиях гор особое место уделено одному из самых больших зверей тайги *адыг* 'медведю', обозначаемому эвфемизмом *хайыракан*. При этом, все горы с названием *Хайыракан* являются высокими, особо выделяющимися среди других.

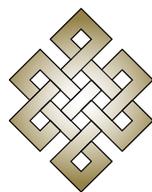
Легенды и предания о топонимах, связанных с историческими событиями и личностями

В тувинских легендах и преданиях содержится немало сюжетов, связанных как с историческими событиями, происходившими в те или иные времена, но также повествующих об исторических личностях, которые принимали участие в событиях на территории республики.

События восстания тувинцев 1883–1884 гг., против маньчжуро-китайской колониальной власти Цинской империи и тувинских феодалов-нойонов, которые собирали тяжелые налоги и поборы с аратов, которое известно в истории как восстание 60 богатырей (*Алдан-маадыр*), широко отражены в тувинском фольклоре. Есть среди сюжетов и тот, в котором показано почему одну гору назвали *Ки-жи-Баштыг* 'С человеческой головой':

¹ Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев и др. Новосибирск: Наука, 2010. С. 100.

² Там же. С. 101.

Кижиг-Баштыг

Алдан-маадырларны Моолдуң Улаастайга шаажылааш, «бо тывалар моон соңгаар төрө херээнге удурланып кезжээвелевезин, ырмазы сынзын боларның» дээш, оларның баштарын тевелерге чүдүргөш, турум чуртунга эккеп арттар, даглар кырынга аскылаан.

Амгы Алдан-Маадыр суурнуң артында көк дагның кырынга оларның баштыңчыларының баштарын аскылаан. Ынчангаш ол дагның ады Кижиг-Баштыг болган¹.

‘Кижиг-Баштыг

Шестидесят богатырей казнили в монгольском Улястае. Говорили: «Чтобы эти тувинцы больше не вмешивались и не бушевали против государственного строя, надо их наказать». Головы их (отрезанные) погрузили на верблюдов, чтобы повесить их на постоянных местах проживания в перевалах и горах.

На синей горе, что стоит за современным селом Алдан-Маадыр, повесили головы их предводителей. Поэтому данную гору называют Кижиг-Баштыг².

Традиционно тувинцы носили косы и женщины, и мужчины. Мужская прическа называлась *кежеге*: спереди волосы сбрасывались, сзади заплетались в одну косу (Кон, 1934: 108). *Кежеге* считался символом защиты, оберегом и свидетельством храбрости в характере мужчины. Как особые отличительные знаки мужчин они также удостоились внимания в наименованиях гор.

В одном из преданий повествуется также о некоем герое, который был обезглавлен. Его голова была повешена специально с *кежеге*, чтобы унижить достоинство мужчины. Так одна из гор стала носить имя *Кежегелиг-Тей* ‘Холм с *кежеге*’:

Кежегелиг-Тей

Улуг Чыргакының бажында Ак-Адырда Кежегелиг-Тей деп тей бар. Ооң кырында кезек ыяштар үнген. Ук тей шөл ортузунда турар.

Шаанда бир маадыр кижини мурнуу чүктен хөй шериг истеп сүрүп келген дээр. Хөй шериг ол кижини Таңды сыннап ажыр сүрген. Ол маадыр шөл ортузунда тей кырынче үне бергештиң, хүлер боозу-биле оларны боолап эгелээн. Бир холу-биле боолавышаан, өске холу-биле оңгуланыр оңгар казып турган. Боолап турда, огу төнген. Сөөлгү огу төндүр адыпкаш, хүлер боозун ырадыр шывадапкан.

Ок, боозу чок чаңгыс маадырны хөй шериг бүзээлэши, тудуп алгаши, өлүрүп каан. Маадырның бажын кескеш, кежегезинден тавактай оя кескеш, тейде ыяшка азып каан.

Тей бажында ыяшка аскан *кежеге* дыка үр үеде аңаа туруп-ла турган. Ынчангаш улус ол тейни *Кежегелиг-Тей* деп адай берген чүве-дир².

‘Кежегелиг-Тей

На вершине Большого Чыргакы в местечке Ак-Адыр стоит холм Кежегелиг-Тей. На его вершине растет несколько деревьев. Сам холм стоит посредине степи.

Давным-давно многочисленная армия с южной стороны погналась за одним героем. Они преследовали его по горному хребту Танды. Этот герой залез на холм, стоящий посредине степи, начал их обстреливать своим бронзовым ружьем. Одной рукой он стрелял, а другой — копал яму для окопа, чтобы спрятаться. Пока стрелял, пули закончились. Выстрелив последней пулей, далеко отшвырнул бронзовое ружье.

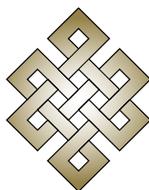
Одинокого героя, у которого нет ни пуль, ни ружья, военные окружили, поймали и убили. Отрубив голову героя, отрезали тарелочкой его *кежеге* ‘заплетенную косу’, повесили на верху холма.

Повешенная в дереве на верху холма *кежеге* ‘заплетенная коса’ героя очень долго там была. Поэтому народ стал называть тот холм Кежегелиг-Тей².

Предания о висящих на вершинах косах мужчин далеко не всегда столь трагичны. В Тес-Хемском районе есть гора *Кежеге-Даа*, название которой связывается с охотничьей легендой:

¹ Куулар Д. С. Кыс-Халыыр: Тыва улустуң тоолчургу болгаш төөгү чугаалары [Девичья скала. Тувинские народные сказки и предания]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1996. С. 94. (На тув. яз.).

² Арапчор А. Д. Тыва улустуң мифтери болгаш тоолчургу чугаалары [Тувинские мифы и легенды]. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2024. С. 105. (На тув. яз.).

Тесте Кежеге даа

Шаанда бир аңчы Устүү-Теске аңнап чорааш, аргар-кошкар балыглапкан. «Балыг аң кая-ла барып ужар ирги?» деп бодап, аңчы кежегезин суйбап олурган. Көөрге, аргар Тести кежип бар чораан. Аңчы тура халааш, балыг аңны сүргеш, чорупкан. Аңчы бир черге чоруп ора, кежегезин суйбап көөрге, оозу чок болган, баштай олурган черинде чыдып калган болган. Ооң ол кежегези чогуз бодунуң кежегезинден улай баглаан бир адыры болур салгаазын дээр кош кежегези чүве-дир. Аңчы ол салгаазын кежегезин-даа барып алыр харыы чок, ол дагны Кежеге деп адааш, улай-ла балыг аңын сүргеш чорупкан. Ынчангаш ол дагны мынчага чедир Кежеге деп адаар¹.

‘Кежеге-Даа в Тес-Хеме

Давным-давно охотившийся в местечке Устуу-Тес, охотник ранил горного барана. Думая “Где же упадет раненый зверь?”, он сидел и гладил свою кежеге. Смотрит, баран переплывает реку Тес. Вскочив с места, охотник пошел преследовать раненого зверя. Охотник, идя за ним, попытался погладить кежеге, ее не оказалось на месте. Коса осталась в том месте, где он сидел. Это его кежеге была приплетена к его собственной косе, была лишь дополнением. У охотника не было возможности обратно идти и забирать эту кежеге, поэтому он назвал гору Кежеге, дальше пошел преследовать раненого зверя. С тех пор гору и называют Кежеге’.

В прежние времена, по словам информатора², считалось, что в кежеге закреплена жизнь человека. Поэтому до него никто не имел права дотрагиваться кроме близких. Отсюда понятно, что названные в честь кежеге горы стали считаться священными ыдык местами (Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023).

Еще одна историческая личность Амыр-Санаа, который возглавил антиманьчжурское движение в Туве в середине XVIII в., также является популярным персонажем тувинских преданий. В том числе в составной части названия арт ‘перевала’ одной из самых высоких гор отдаленного района Тувы — Монгун-Тайги — присутствует упоминание любимой вещи данного деятеля — саадак ‘колчан’.

Саадак-Арт

Тывада база бир бедик арттарның бирээзи — Мөңгүн-Тайгада Саадак-Арт ол. Амыр-Санаа ол арттап ашкаш, ооң кырында оваага саадаан азып каапкан. Ынчангаш ол артты Саадак-Артты джи берген чүве-дир³.

‘Саадак-Арт

Одной из самых высоких вершин в Туве является Саадак-Арт в Монгун-Тайге. Переваливаясь через него, Амыр-Санаа повесил на жертвенном кургане свой колчан. С этого времени данный перевал и стали называть Саадак-Арт’.

Таким образом, следует отметить, что в легендах и преданиях о наименованиях гор отражены исторические события и исторические персонажи. При этом также заметна гендерная особенность: все связано с подвигами мужчин, с их деяниями, мужскими предметами, что может отражать понимание гор как мужского начала.

Легенды и предания, связанные с религиозными видениями народа

Традиционной религией тувинцев много веков был шаманизм. Шаманы умели разговаривать с представителями потустороннего мира, могут предсказывать как прошлое, так и будущее человека (Кенин-Лопсан, 2009).

У одного из наших информаторов Х. С. Сечека, который сам является действующим шаманом, мы записали легенду о наименовании холма Дүңгүрлүг-Тей ‘Холм с бубном’. Он находится недалеко от с. Барлык Барун-Хемчикского района и был назван в связи с шаманскими верованиями жителей:

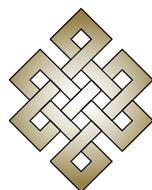
Дүңгүрлүг-Тей

Шаанда Барлык хемниң кыдыында кезек даглар эдээнде улуг эвес тейниң чоок-кавы девискээринге хам уктуг төрел аймак чурттап чораан. Төрел аймактың эң улуг өгбези дээр уктуг хам кижичи чораан чүве-дир. Оларның

¹ Там же. С. 92–93.

² Сечек Хурен-оол Сарыгларович, 1951 г. рождения, пенсионер, действующий шаман. Запись 2025 г.

³ Арапчор А. Д. Тыва улустуң мифтери болгаш тоолчургу чугаалары [Тувинские мифы и легенды]. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2024. С. 100. (На тув. яз.)

аймаа ук тейге шаандан тура чүдүп, саңын салып, дүңгүрү-биле арыгланып ап чорааннар чүве-дир. Ынчангаш ол чоок-кавыга чурттап чораан чон ук тейни Дүңгүрлүг-Тей деп адай берген дижир¹.

‘Дунгурлуг-Тей

Давным-давно вблизи небольшого холма у подножия гор возле реки Барлык проживала группа родственников, наследников шаманского рода. Самый старший их старейшина был небесным шаманом. Представители данного рода с древних времен почитали данный холм, освящали его и очищались при помощи камлания бубном. В связи с этим народ, проживающий на этой территории, стали называть этот холм Дунгурлуг-Тей’.

Надо сказать, что холм почитается святым до сих пор. Наследники рода до сих пор собираются здесь, проводят обряды *дагылга* освящения (Дагылга: тувинские ... , 2021).

Второй традиционной религией тувинцев с XVIII в. стал буддизм (Монгуш, 2001), влияние которого также отразилось на содержимом фольклора на поздних этапах его формирования. В легендах и преданиях о наименованиях горных вершин тоже можно найти следы этого влияния.

Мы записали предание о холме под названием *Лама-Халыыр* ‘Лама прыгнувший’ (от слов *лама* ‘монах’ и *халыыр* ‘прыгать’) в Бай-Тайгинском районе Тувы:

Лама-Халыыр

Тээлиден Бай-Тал углай оруктуң солагай талазында хову ортузунда аңгы турар бедик тей бар. Ооң бир талазы кадыр-даа болза, кижги кылаштап үне бээр, а өске талазы шуут-ла ханаланчак кадыр, ынаар кижги үне албас. Ол тейни Лама-Халыыр дээр. Лама-Халыыр деп аттың тывылганы солун. Шаанда, лама, хамнарны хоруваан үелерде-ле, чон ол тейни кырынче үнүп, ыдыктап, дагып чораан. Бир-ле ындыг дагылга соонда ийи лама «мен күштүг мен, мен күштүг мен» деп сөс былаажып кыржып үнгеннер-дир. Хай бооп, ол кадыр хаядан иелээн чайлы бергеннер-дир. Ол-ла хевээр чон ол тейни Лама-Халыыр деп адаар апарган².

‘Лама-Халыыр

По дороге из Тээли в Бай-Тал посреди степи на левой стороне стоит высокий холм. Одна его сторона крутая, но человек может подняться на него, а другая сторона очень крутая, похожа на стену, оттуда подниматься невозможно. Данный холм называется Лама-Халыыр. История возникновения данного имени интересна. Давным-давно, когда еще монахов и шаманов не запрещали, люди поднимались на этот холм, освящали его. Однажды после такого освящения два монаха начали спорить, говоря друг другу ‘Я сильнее, я сильнее’. Сучилась беда, они оба упали с крутого холма. Поэтому люди и назвали данный холм Лама-Халыыр’.

Наш информатор-рассказчик вспоминает также, что освящения данной горы в прежние времена здесь делал только один монах. Учитывая то, что буддийские ламы и шаманы представляли собой представителей двух религиозных систем, в определенной мере они конкурировали и каждый представитель религии старался работать отдельно. Об этом поведала другой информант³. По словам ее родителей, и ламы, и шаманы всегда старались в одном месте не встречаться, иначе между ними будет *чижилге* букв. ‘съедание друг друга (соревнование)’. Это отражено в пословице *Чаңгыс пашка ийи кошкар бажы сыңмас* ‘В одной чугунной чаше не поместятся две головы барана’⁴. Два священнослужителя, считалось, не могут присутствовать на одном освящении, иначе между ними начнется *чижилге* ‘съедание друг друга’ – соревнование.

Таким образом, в названиях гор также отражены не только религиозные воззрения тувинцев, но и особенности ритуальной жизни, организации обрядов.

Легенды и предания о наименованиях горных вершин, связанные с преодолением трудностей

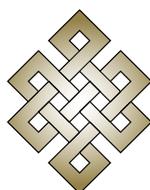
Различные поверья тувинцев, сопровождавшие всю их жизнь, переносились и на появление легенд о названиях гор.

¹ Сечек Хурен-оол Сарыгларович, 1951 г. рождения, пенсионер, действующий шаман. Запись 2025 г.

² Сотпа Шончалай Сарыг-ооловна, 1954 г. рождения, заведующий библиотекой сумона Бай-Тал, Бай-Тайгинского района.

³ Сувандии Биила Максимовна, 1939 года рождения, пенсионер, г. Кызыл.

⁴ Она же.

В первую очередь речь идет о различных событиях, связанных с бедствием, несчастьем, а также с преодолением трудностей. Так появилось, например, название перевала Ааткыштыг-Арт 'Перевал с люлькой':

Ааткыштыг-Арт

Аш, чут болган бир үеде тооруктаан ирей, кадай ол артты ажып чыткаш, үш харлыг кавайлыг уруун дытка аадыт каапкаш чоруй барган дээр. Бичии уруг кавайындан үнүп кээп, бир буду-биле дымтан тептинип алган: «Ачам күжүр аңнай берген, авам күжүр айлай берген» деп кавайын боду чайгап олуруп-тур.

Ооң иези кадай өске арт кырынга баарга, пөш бажында кижиле тоорук дүжүрүп олурар болган. Кадай ашаан ында олурары ол-дур деп бодааш: «Кайы хире тоорук дүжүрүп алдың?» дээрге, аңаа олурган адыг меңнээш, пөштен шурай бээрде, ооң молдуруу сыйлып өлгөн. Ирей, кадай эът-чагга ол орта ынчап амыраан. Ол артты ынчангаш Ааткыштыг-Арт деп адаан чүве дээр¹.

'Ааткыштыг-Арт

Во время голода муж с женой отправились за орехами. Переходя перевал, они повесили в лиственнице люльку трехлетней дочери, оставили и ушли. Девочка сама выбралась из люльки, одной ногой оперлась за лиственницу, сказала: "Бедный отец на охоту ушел, бедняжка мать за сараной пошла", и сама качала люльку.

Когда мать ее поднялась на другой перевал, кто-то с макушки кедра вниз скидывал орехи. Жена подумала, что там сидит ее муж и сказала: "Сколько ореха собрал?" Медведь, сидевший там, вздрогнул, спрыгнув с кедра, сломал атлант² и умер. Муж с женой обрадовались мясу и салу. Поэтому данный перевал и назвали Ааткыштыг-Арт'.

Черета несчастий (голод семьи, поиски еды даже с маленьким ребенком, оставшимся одним, и случайная встреча с опасным зверем, его гибель) обернулась удачей, помогла семье бедняка, накормив их досыта.

Другая легенда повествует о том, как появилось название перевала в Барун-Хемчикском районе *Чарын-Салыр* букв. 'Обжигать лопатку' и как потом это название поменялось на *Чарын-Салбас* букв. 'Не обжигать лопатку':

Чарын-Салбас

Барыын-Хемчик кожунунуң Муңгаш-Ак деп черде Дунчу тайгазынга аңнап чораан кайгал Кара-Боочу деп кижиле мыйгак бакка адыпкан чүве-дир. Аңчы мыйгакты истей-истей кээрге, кончуг берге артты ажып чоруй барган болган.

Арттың кырынче үнерде, ояр-кыяр-даа арга чок он беш кулаш хире черде хая аразы-биле эртер эң айыылдыг кызаа одуругжугаш бар. Кызааның хемдиге талазы чадагай. Аъттыг кижиле таалыңын дүжүрбейн оладып чортар болза, аът тендирээш, чүс ажыг кулаш дөвүн шың иштинче шимеш-ле дээни ол.

Ол артты ажар аңчылар хай-бачыт таваржы берейн дээш, чарын салып тургаш, эртер. Ооң адын безин ынчангаш Чарын-Салыр деп адап турган дээр.

Кайгал Кара-Боочуң коргар чүрээ чок кижиле чүве-дир. Ол чарын-чурун-даа салганда чок, таалыңын-даа дүжүрбейн, адының кырындан балдызы-биле сүүр-сүүр даштарны томуруп чорааш, калбак-калбак даштарны чырыктай салып чорааш, чортуп эрте берген. Ынчангаш ол артты оон бээр-ле Чарын-Салбас деп адай берген³.

'Чарын-Салбас

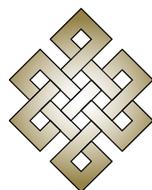
Удалец по имени Кара-Бочу, что проживал в местечке Мунгаш-Ак Барун-Хемчикского района, во время охоты в тайге Дунчу неудачно выстрелил в маралуху, только поранив ее. Охотник преследовал зверя, увидев, что она перепрыгнула очень трудный перевал.

При подъеме на перевал, там имеется примерно пятнадцатиметровая узкая тропинка, очень опасная, ее никак не обойти стороной. Со стороны реки местность открытая. Если всадник продолжит дорогу, не выгрузив переметную сумку с лошади, он может провалиться в пропасть в сто маховой сажени.

¹ Куулар Д. С. Кыс-Халыыр: Тыва улустуң тоолчургу болгаш төөгү чугаалары [Девичья скала. Тувинские народные сказки и предания]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1996. С. 98. (На тув. яз.)

² Первый шейный позвонок.

³ Куулар Д. С. Кыс-Халыыр: Тыва улустуң тоолчургу болгаш төөгү чугаалары [Девичья скала. Тувинские народные сказки и предания]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1996. С. 96. (На тув. яз.)

Охотники, которые хотят перевалить его, обязательно сначала обжигают баранью лопатку, только потом переезжают. Поэтому перевал так и назвали *Чарын-Салыр*.

Удалец Кара-Бочун был бесстрашным человеком. Не обжигая лопатку, не выгрузив переметную сумку, он прямо с лошади разбивал топором острые камни, острые камни подкладывал с краю и переехал перевал. С тех пор перевал и стали называть Чарын-Салбас'.

Так, название горного перевала и его изменение оставило в истории удачу одного смелого человека.

Жизнь в горной местности, конечно, налагала определенные сложности в хозяйственной жизни, была достаточно суровой для местного населения. Горы олицетворяли собой некий вызов. Это отразилось и в их названиях, которые получили свои соответствующие легенды.

Заключение

Проведенное исследование показало, что мифы, легенды и предания о наименованиях гор у тувинцев образуют устойчивый пласт несказочной прозы, в которой концентрированно отражаются ключевые представления народа о пространстве, истории и сакральном устройстве мира. Они «привязаны» к определенной вершине, перевалу или холму и выступают своеобразными «устными паспортами» горных оронимов.

Систематизация корпуса позволила выделить четыре основные группы сюжетов фольклорных текстов, объясняющих происхождение горных оронимов, связанных с животными, мотивированных историческими событиями и личностями, возникающими из религиозных представлений и ритуальной практики, восходящих к ситуациям бедствий и несчастий. Такая классификация продемонстрировала, что за кажущейся простотой названий стоят сложные семиотические механизмы, соединяющие в одном тексте мотивы природы, истории, религии и повседневности.

Особое значение имеет образ медведя адыг, который в оронимах маркируется эвфемизмом *хайы-ракан* и тем самым выносится в сакральную зону табуированной лексики. Горы с названием Хайыракан в разных районах Тувы характеризуются как особенно высокие и выделяющиеся, а легенды о них фиксируют одновременно и представления о животных-хозяевах тайги, и нормы традиционного речевого поведения, запрещающие прямое называние опасных существ. Через эти тексты проявляется специфическая экологическая этика кочевников-скотоводов, основанная на уважении и страхе перед силами горного ландшафта.

Не менее значим пласт оронимов, связанных с историческими событиями и персонажами, такими как участники восстания *Алдан-маадыр* или *Амыр-Санаа*. Здесь горы выступают как своего рода монументы памяти, увековечивающие имена героев, детали их внешности (прически *кежеге*), любимые предметы (колчан *саадак*), а также драматические эпизоды вооруженной борьбы. Гендерная маркированность этих сюжетов проявляется в доминировании мужских образов и атрибутов, что закрепляет за горами семантику «мужского начала» силы и стойкости.

Религиозная картина мира тувинцев также прямо включена в именование гор: шаманские и буддийские представления формируют сакральное пространство, где отдельные вершины воспринимаются как места силы, требующие регулярных обрядов дагылга и камланий.

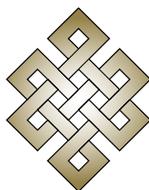
Наконец, ряд сюжетов демонстрируют, как опыт выживания в горной местности, опасности пути, голод и случайная удача осмысляются через наименования, которые предупреждают, поддерживают и символически вознаграждают смелость.

В целом исследование подтверждает, что оронимические мифы, легенды и предания тувинцев являются важным источником знаний об исторической памяти, ценностных ориентирах и сакральной географии народа, нуждающимся в дальнейшем комплексном анализе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абысова, С. В., Ойноктинова, Н. Р. (2024) Несказочная проза алтайцев : теоретические аспекты. Горно-Алтайск : б. и. 320 с.

Алексеев, Н. А., Куулар, Д. С., Самдан, З. Б. (2010) Традиционная несказочная проза тувинцев // Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев и др. Новосибирск : Наука. 372 с. С. 11–37.

Владимирова, Т. Е. (2023) О мифах, легендах и преданиях Тувы с позиций металингвистики // Сибирский филологический сборник № 4. С. 35–48. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/85/3>

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : ООО Изд-во «Офсет». 188 с.

Донгак, А. С. (2018) Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 126–147. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.9>

Кара-оол, Л. С. (2018) Лексические особенности топонимов Овюрского района Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 162–189. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.11>

Катановъ, Н. Ф. (1903) Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка, съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. СПб. : Типо-литография Императорскаго университета. 1600 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2009) Тувинские шаманы. М. : ООО «ИПЦ “Маска”». 328 с.

Кон, Ф. Я. (1934) За пятьдесят лет: собр. соч. в 3 т. М. : Изд-во Всес. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев (тип. Профиздата). 294 с.

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск: Наука. 200 с.

Ондар, Б. К. (2008) Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 304 с.

Самдан, З. Б. (2012) Миф в системе исполнительской традиции тувинского повествовательного фольклора // Вестник Бурятского государственного университета № 10. С. 204–210.

Самдан, З. Б. (2016) Миф в фольклорной традиции тувинцев : формы бытования, сюжетный состав, система персонажей. Новосибирск : Наука. 178 с.

Сат, Ш. Ч. (1969) Заметки по топонимике Тувы // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии» / отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск : б. и. 247 с. С. 232–234.

Сувандии, Н. Д. (2019) Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 195–206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>

Сувандии, Н. Д., Кара-оол, Л. С., Болормаа Б. (2019) Барыын Моолдуң Цэнгэл сумузуңуң топонимнери [Топонимы сумона Цэнгэл Западной Монголии]. Кызыл : Издательство Тувинского государственного университета. 85 с. (На тув. яз.).

Татаринцев, Б. И. (1973) Об особенностях топонимии Северо-Восточной Тувы // Происхождение аборигенов Сибири и их языков / отв. ред. А. П. Дульзон. Томск : Изд-во Томского университета. 235 с. С. 142–144.

Феоктистова, И. К. (2000) Русские предания и легенды: проблема разграничения жанров // Вестник Омского университета. № 1. С. 86–89.

Дата поступления: 03.10.2025 г.

Дата принятия: 11.11.2025 г.

REFERENCES

Abysova, S. V. and Oynotkinova, N. R. (2024) *Non-Fairy-Prose of the Altaians: Theoretical Aspects*. Gorno-Altaysk, s. n. 320 p. (In Russ.)

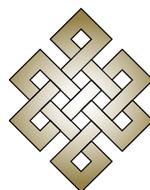
Alekseev, N. A., Kuular, D. S. and Samdan, Z. B. (2010) Traditional non-fairy prose of the Tuvans. In: Alekseev N. A. et al. (eds) *Myths, Legends, Traditions of the Tuvans*. Novosibirsk, Nauka. 372 p. Pp. 11–37. (In Russ.)

Vladimirova, T. E. (2023) On myths, legends and traditions of Tuva from the perspective of metalinguistics. *Sibirskii filologicheskii sbornik*, no. 4, pp. 35–48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/85/3>

Lamazhaa, Ch. K. and Suvandii, N. D. (eds) (2021) *Dagylga: Tuvan Consecration Rituals in the 21st Century*. Kyzyl, Ofset Publishing House LLC. 188 p. (In Russ.)

Dongak, A. S. (2018) Toponymic tales and legends of South-Eastern Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 126–147. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.9>

Kara-ool, L. S. (2018) Lexical features of the toponyms of the Ovyur district of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 162–189. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.11>

Katanov, N. F. (1903) *An Attempt at the Study of the Uryankhai Language, with an Indication of Its Principal Kinship Relations with Other Languages of the Turkic Group*. Saint Petersburg, Typo-Lithography of the Imperial University. 1600 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (2009) *Tuvan Shamans*. Moscow, IPC "Maska" LLC. 328 p. (In Russ.)

Kon, F. Ya. (1934) *Over Fifty Years: collected works in 3 vols*. Moscow, Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers (Profizdat Printing House). 294 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The sacred in Tuvan culture: past and present. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Mongush, M. V. (2001) *The History of Buddhism in Tuva (Second Half of the 6th – End of the 20th Century)*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.)

Ondar, B. K. (2008) *Tuvan Toponymy. A Comparative Analysis of the Toponymy of Tuva with the Toponymy of Southern Siberia and Other Turkic-Speaking Territories*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 304 p. (In Russ.)

Samdan, Z. B. (2012) Myth in the system of the performing tradition of Tuvan narrative folklore. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 204–210. (In Russ.)

Samdan, Z. B. (2016) *Myth in the Folklore Tradition of the Tuvans: Forms of Existence, Plot Composition, System of Characters*. Novosibirsk, Nauka. 178 p. (In Russ.)

Sat, Sh. Ch. (1969) Notes on the toponymy of Tuva. In: Ubryatova E. I. (ed.) *Proceedings of the Conference "Ethnogenesis of the Peoples of North Asia"*. Novosibirsk, s. n. 247 p. Pp. 232–234. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2019) Colour-designation toponyms in the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 195–206. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>

Suvandii, N. D., Kara-ool, L. S. and Bolormaa, B. (2019) *Baryyn Moolduᅇ Tsengel sumuzunung toponimleri [Toponyms of Tsengel sumon of Western Mongolia]*. Kyzyl, Tuvan State University Press. 85 p. (In Russ. and Tuv.)

Tatarintsev, B. I. (1973) On the features of the toponymy of North-Eastern Tuva. In: Dulzon, A. P. (ed.) *The Origin of the Natives of Siberia and Their Languages*. Tomsk, Tomsk University Press. 235 p. Pp. 142–144. (In Russ.)

Feoktistova, I. K. (2000) Russian traditions and legends: the problem of distinguishing genres. *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 1, pp. 86–89. (In Russ.)

Submission date: 03.10.2025.

Acceptance date: 11.11.2025.